

СМЕРТЬ

Умолкли птицы. Небо словно
выше.
Звезда прожгла мерцанием
простор.
Беззвучный вздох — полёт
летучей мыши.
Затих дневной досужий
разговор.
Повсюду тени. В бликах
мостовая.
Незримо шевеление листа.
Мелодия вечернего трамвая
так непередаваемо проста —
но вдруг ушла, закончилась
внезапно...
Остывший воздух дрогнул
невзначай:
тупым стеклом по вечности
царапнул
ночной мопед, стена и стуча,
сжимая звуки в шорохи и
звоны...
...И движется, смыкается,
страшна,
из каждой щели, тонкой и
бездонной,
бескрайняя, сплошная тишина.
Одно лишь сердце с болью и
тревогой
наружу рвётся, зная наперёд,
что рядом, здесь, без света и
дороги
землю Смерть полночная
плывёт —
её уснувшей тёмной половиной,
и выбирает время сладких снов.
Беспомощный, виновный ли,
невинный,
и млад ли, стар — для Смерти
всё равно.

Застыв, стою. Она струится
мимо,
касясь мягко полами плаща.
...И до утра, до спазм,
невыносимо
немее ниже левого плеча.
* * *
«...Не двигайся и руку отпусти.
Закрой глаза. Сейчас задёрну
шторы.
Я записала твой последний стих.
Нет, не последний. Что ты, я
не спорю...
Не поднимайся. Так сильнее
боль.
Лежи. Дай, лоб попробую.
Горячий.
Не уйду. Я рядом, здесь.
С тобой.
Как жарко. Пот. Смахнула.
Нет, не плачу.
Ну что ты?»
— «Ближе. Ближе.
Умереть
легко. Глаза закрою и —
в дорогу.
Того, кем был, осталась
четверть. Треть —
ещё глаза. Язык. Совсем
немного.
Ты слышишь? Тише. Бабочка
у ног.
Нет, на руке. Опять летит.
Садится.
Ну, отгони. Я сам, когда бы мог.
У бабочек приветливые лица.
Вот и у этой. Что же ты
кричишь?
Не слышу я. Движения
инертны.

Трепещут крылья пламени
свечи.
Все бабочки, наверное,
бессмертны».

* * *

Я обманул вас: смерти нет.
Причины нет грустить и
плакать.

Там, за орбитами планет,
я уверяю — лучший свет.
Не разводите носом слякоть.
Я снова весел. Пью нектар.
Размах не выразить словами:
сегодня сею пыль Стожар,
назавтра — невесомый пар,
и выюсь из чайника над вами.

...А впрочем, лгу: на стену лезь,
но сметь не вздумай торопиться:
ведь я никто, я просто взвесь —
так, пустота (попробуй, взвесь!),
всего изнанка, заграница.

...А так, конечно: смерти нет,
пока не стёрлась в детях память.
Укроет прах последний след —
и всё живёт. А смерти — нет.
Поют скворцы. Им что — весна
ведь.

* * *

Надену к ночи белую рубаху.
Возьму в ладонь зажжённую
свечу.
Горит огонь. Дышать не смею
в страхе,
что вдруг погаснет. Выйду и
молчу.

Простор. Цикады. Лунная
дорожка.
Вечерний ветер. Первая звезда.

Я постою на воздухе немножко,
пока шумит у берега вода,
и, вдруг услышав звуки
мандолины,
пойму, что это мама у крыльца
ласкает струны музыкой
старинной
и бьётся бас надтреснутый
отца...
Горячий воск течёт и греет
кожу,
остывший воздух горло
холодит...
...Вдруг станет ясно: день
окончен. Прожит.
И неизвестно, сколько впереди.

* * *

В пять утра без будильника
солнце
прорвалось из-за дальних
холмов.

Рыжий кочет на крыше колодца
прокричал, что он жив и здоров.
Рощу ветер погладил по кронам,
свистнул сыч в ожидании сна,
и страну покрывалом зелёным
застелила к восходу весна.
У ворот самодельную флейту
в руки взял деревенский пастух.
Под мелодию близкое лето
тополёвый приветствовал пух —
он вздымался, кружился,
вертелся
и носился легко по дворам,
а совсем не имеющий веса,
плыл пастух и на флейте играл.

* * *

За окошком зелёная рощица
закрывает собой горизонт,

